

Облачное молоко

Юлия Малкова

Юлия Малкова

Облачное молоко

<https://litres.ru/74602189>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она варит кашу с облачным молоком. Ставит две тарелки. Одну — с динозавром из варенья.

Каждое утро они идут в Сад, где растут имена. Каждый вечер он засыпает с плюшевой собакой, у которой оторвано ухо. Каждую ночь он летает над морем на серебряных крыльях.

Но что-то не так. Слишком тихо в детской. Слишком ровно лежит подушка. Слишком часто пахнет морем там, где моря нет.

«Облачное молоко» — это история о матери, которая живёт в двух мирах одновременно. Один — реальный. Другой — тот, где её сын продолжает просыпаться по утрам.

Что из этого правда? И что случилось на самом деле?

Эта книга не ответит сразу. Она поведёт вас за собой — тихо, нежно, как облако. И только в конце вы поймёте, почему она называется «Облачное молоко».

Содержание

Глава	4
ГЛАВА 1. КАПИТАН ШЕСТЬ ЛЕТ	5
ГЛАВА 2. САД ИМЁН	10
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Юлия Малкова

Облачное молоко

Глава

Малкова Юлия

ГЛАВА 1. КАПИТАН ШЕСТЬ ЛЕТ

— Курс на запад, матросы! Вижу землю!

— Какую землю, Тузик? — спрашивает мама, подыгрывая.

— Сухую. Где нет воды. Я уже намок.

— Ты же собака. Собаки умеют плавать.

— Я плюшевый. У меня намокает голова.

Она вылавливает Тузика из таза, отжимает, вешает сушиться на батарею.

— Опять ты его утопил.

— Он сам захотел. Он сказал, что хочет увидеть китов.

— И увидел?

— Нет. Киты только в ванне. А это таз. Тут мелко.

— Значит, в следующий раз поплывём в ванну.

— С пеной?

— С пеной.

— И с китами?

— И с китами.

Он удовлетворённо кивает. Тузик спасён, миссия выполнена. Можно идти завтракать.

— Мам, а почему в каше дырочки?

— Это не дырочки. Это облачное молоко свернулось.

— А облака сворачиваются?

— Когда попадают в горячее — да.

— Им больно?

— Нет. Им тепло. Они для этого и живут — чтобы однажды стать чьим-то завтраком.

Он задумывается. Трогает кашу ложкой. Дырочки исчезают, появляются снова.

— А я тоже однажды стану чьим-то завтраком?

— Нет, — она смеётся. — Ты станешь чьим-то ужином. Ты же хищник.

— Я тираннозавр?

— Ты тираннозавр. Ешь кашу.

— Тираннозавры не едят кашу. Тираннозавры едят...

— Что?

— Ну... тираннозавров поменьше.

— А маленькие тираннозавры едят кашу, чтобы вырасти большими.

— Это нечестно.

— Жизнь нечестная, — говорит она и сразу жалеет.

Но он уже не слушает. Он кормит кашей Тузика. Тузик сидит на краю стола, пристёгнутый к стулу шнурком от ботинка — чтобы не упал.

— Тузик, ешь. Там витамины. Будешь сильный. Сможешь плавать в море без тазика.

Тузик молчит. Тузик всегда молчит. Но сегодня он, кажется, согласно щурит кривой вышитый глаз.

Она наливает ему какао в синюю кружку с зайцем. Заяц улыбается — у него кривые усы, нарисованные фломастером. Вчера сын сказал: «Мама, смотри, я дорисовал! Теперь заяц не грустный».

Она ставит кружку на стол. Мальчик тянет руки.

— Горячо, — говорит она. — Подожди, подую.

Она дует. Какао покрывается рябью.

Мама смотрит на них и думает: *я никогда не запомню это утро. Потому что оно обычное. Их тысячи. И только потом, когда они кончатся, ты начинаешь перебирать их в*

памяти, как бусины, и удивляться: почему я не понимала тогда, что это и есть счастье?

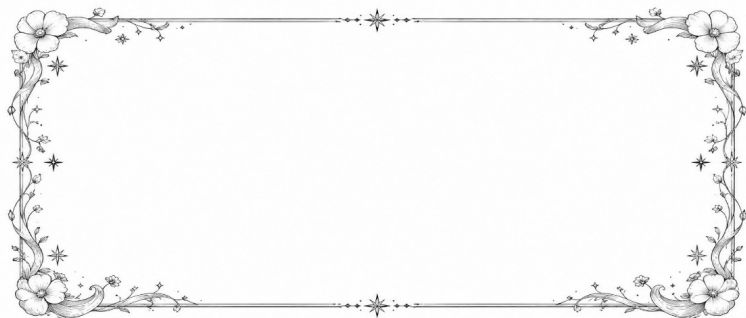
Но сейчас она не думает об этом. Сейчас она допивает чай и смотрит, как сын размазывает кашу по тарелке, изображая карту мира.

— Здесь Африка, — показывает он. — А здесь Тузик тонет, а здесь я его спасаю.

— Где здесь?

— Везде.

За окном встаёт солнце. Не такое, как в других мирах — не золотое, не серебряное, не разворачивающееся лепестками. Обычное. Солнце как солнце. Но оно светит. Этого достаточно.

ГЛАВА 2. САД ИМЁН

Она моет посуду. Слышит шорох из прихожей.

— Ты чего там?

— Одеваюсь.

— Сам?

— Сам.

Это должно было бы её обрадовать. Но опыт подсказывает: «сам» в исполнении маленького человека — это катастрофа, замаскированная под инициативу.

Она вытирает руки и идёт в прихожую.

Сын стоит посреди разбросанной обуви. Комбинезон надет задом наперёд. Одна штанина подвернута так, что колесо смотрит вбок. Молния застёгнута, но внутри не тело, а воздух — он продел руки в дыру для головы, а голову просунул в рукав.

— Я почти готов, — сообщает он. — Только тут немного перепуталось.

Она смотрит на это сооружение.

— Ты — гениальный изобретатель, — говорит она. — Но, кажется, твой комбинезон задуман как обычная одежда, а не как космический скафандр. — А я хочу скафандр.

— Мы полетим на Луну в другой раз. Сейчас мы идём в Сад.

— В Сад? — он мгновенно теряет интерес к скафандру.

— А Тузика возьмём?

— Тузика обязательно.

Она распутывает его. Переворачивает комбинезон. Застёгивает молнию правильно. Поправляет шапку. Варезки на резинке продевает в рукава.

Он натягивает варезки. Левая надета на правую руку, но она решает не вмешиваться. Некоторые битвы проиграны заранее.

Выходят на лестничную клетку. Сын жмёт кнопку лифта — достаёт, но на цыпочках.

— Мам, а лифт — это поезд?

— Не совсем.

— А почему он едет вверх-вниз, а не туда-сюда?

— Потому что он вертикальный поезд.

— А бывают горизонтальные поезда?

— Бывают. На Земле.

— А у нас?

— У нас тоже. Но реже.

Лифт приезжает. Двери открываются. Внутри — дядя Толя с авоськой.

— О, боец! — дядя Толя улыбается, усы разъезжаются в стороны. — В сад идёшь?

— В Сад, — серьёзно поправляет сын. — С большой буквы.

— С большой так с большой, — соглашается дядя Толя.

— А это кто у тебя?

Он кивает на Тузика, который торчит из кармана куртки.

— Это Тузик. Он капитан.

— Капитан чего?

— Всего.

— Уважаю, — дядя Толя пожимает Тузику лапу. Тузик молчит, но дядя Толя, кажется, понимает язык плюшевых собак. — Капитан, держите курс на юго-запад. Там сегодня безветренно.

— Мы не на юго-запад, — говорит сын. — Мы в Сад.

— А Сад — это на юго-запад.

Он задумывается.

— Тогда на юго-запад.

Двери лифта открываются. Они выходят во двор.

— Пока, дядя Толя!

— Пока, боец. Капитану привет.

Двери закрываются.

— Хороший дядя Толя, — говорит сын. — Усы как у нашего зайца на кружке.

— Очень похожи.

— Значит, заяц теперь будет дядя Толя?

— Будет.

— А он не обидится?

— Кто?

— Дядя Толя. Что у него усы как у зайца.

— Дяде Толе будет приятно.

Он кивает, успокоенный. Они выходят со двора, и город начинается.

Здесь он не такой, как в других местах. Дома — не выше двух этажей, и у каждого свой характер: один выкрашен в цвет утреннего неба, другой облицован камнем, который помнит море, третий прячется в плуще так глубоко, что окна щурятся из листвы, как глаза старого кота.

— Мам, смотри, — он останавливается у палисадника. — Одуванчики уже.

Она смотрит. Действительно, одуванчики. Жёлтые, как цыплята, рассыпались по траве.

— А почему они жёлтые?

— Потому что солнце их целует.

— А если солнце поцелует сильно-сильно, они станут красные?

— Нет. Они станут белые. И улетят.

Он задумывается. Потом осторожно, двумя пальцами, трогает один одуванчик.

— Ему больно?

— Нет. Ему щекотно.

— А когда он станет белый, он умрёт?

— Он не умрёт. Он просто отправит своих детей путешествовать.

— Детей?

— Вон те пушинки. Это семена. Ветер унесёт их, они упадут на землю, и вырастут новые одуванчики.

Он молчит. Смотрит на жёлтую головку.

— Значит, это не дети. Это он сам, только маленький.

— Почему?

— Потому что если я улечу, я же не стану твоим папой. Я останусь твоим сыном. Просто буду далеко.

Она не сразу находит, что ответить.

— Ты прав, — говорит она наконец. — Это он сам. Просто в другом месте.

Он кивает, удовлетворённый. Идёт дальше.

Тузик болтается в кармане куртки, ухом вперёд.

Дальше — мостовая из круглых камней. Они блестят после ночного дождя, хотя дождя не было. В этом мире иногда случаются такие маленькие чудеса: камни просто любят блестеть, и никто не спрашивает их, почему.

— Мам, а камни живые?

— А ты как думаешь?

— Думаю, живые. Но очень старые. Им лень разговаривать.

— Тогда лучше их не беспокоить.

— Ага. Пусть лежат.

Он старательно обходит каждый камень, чтобы не наступить. Потом останавливается.

— А если я наступлю, им больно?

— Если очень старые — им всё равно. У них уже всё болело, и прошло.

— У бабушки тоже всё болело, а потом прошло.

— У бабушки теперь ничего не болит.

— Она на небе?

— Она в Саду. Её дерево рядом с нашим.

— Я помню. Я поливаю.

— Я знаю.

Он трогает её руку.

— Ты не плачь.

— Я не плачу.

— Нет, плачешь. У тебя глаза мокрые.

— Это ветер.

— Ветра нет.

— Значит, камни блестят, и у меня отражаются.

Он смотрит на неё с сомнением, но не спорит. В конце концов, взрослые иногда странно себя ведут, и это не всегда можно объяснить логикой.

— Пошли быстрее, — говорит он. — Я хочу проверить, не выросли ли новые листья.

— Какие листья?

— На нашем дереве. Я вчера загадал желание.

— Загадал?

— Ага.

— Что за желание?

— Не скажу. А то не сбудется.

— А если я угадаю?

— Всё равно не скажу.

— Ладно, — она улыбается. — Пусть будет сюрприз.

Они проходят мимо скамейки, где всегда сидит старушка с зонтиком. Зонт у неё клетчатый, ручка резная, а сама старушка похожа на воробья — маленькая, круглая, с быстрыми глазками.

— Здравствуйте, — говорит мальчик.

— Здравствуй, здравствуй, — старушка улыбается. — А где же твой адмирал?

— Тузик. Он сегодня капитан.

— Капитан — это хорошо. Адмиралы уже старые, им пора на пенсию. А капитаны — в самый раз.

— Он в море ходил, — сообщает мальчик. — В тазу.

— И как, утонул?

— Нет. Мы его спасли.

— Молодцы.

Старушка кивает маме. Мама кивает в ответ. Они никогда не разговаривают подолгу, но это и не нужно. В этом мире вообще мало слов требуется для важных вещей.

— Бабушка, а вы почему всегда здесь сидите? — спрашивает мальчик.

— Жду.

— Кого?

— Сына.

— А он придёт?

— Обязательно. Он обещал.

— А когда?

— Когда вырастет.

Мальчик смотрит на неё. Потом на маму. Потом снова на старушку.

— Он уже большой?

— Ему пятьдесят два.

— А почему он не приходит?

— У него дела. Работа, семья, дети. Он очень занят.

— А вы не злитесь?

— Нет, — старушка поправляет зонтик. — Я жду. Это моя работа.

Мальчик обдумывает эту информацию. Потом достаёт из кармана Тузика, протягивает старушке.

— Хотите поддержать?

— Можно?

— Можно. Он тёплый.

Старушка берёт Тузика в ладони. Гладит оторванное ухо.

— Хороший пёс, — говорит она. — Верный.

— Он капитан.

— Капитан, значит.

— Он всех спасает.

— И тебя?

— И меня.

Старушка смотрит на Тузика долго-долго. Потом возвращается.

— Спасибо, — говорит она. — Хорошая у тебя собака.

— Я знаю.

Они прощаются. Идут дальше.

— Мам, — говорит он тихо. — А её сын правда придёт?

— Правда.

— А когда?

— Когда поймёт, что ждать — это и есть работа.

— А он поймёт?

— Все понимают. Просто не сразу.

— А ты?

— Что — я?

— Ты сразу поняла?

Она молчит.

— Нет, — говорит она. — Не сразу.

— А когда?

— Когда ты родился.

Он кивает, будто это самый очевидный ответ на свете. Дорога сворачивает в арку. За аркой — мост. Каменный, старый, увитый плющом. Внизу — река облаков. Они текут медленно, как парное молоко, клубясь и переливаясь.

— Мам, а мы сегодня пойдём по мосту или в обход?

— А ты как хочешь?

— По мосту. Там высоко.

— Высоты не боишься?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.